

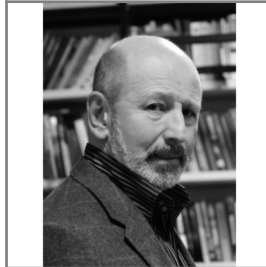
СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель сектора. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: ladaship@gmail.com

В статье предлагается рассмотреть современную философию науки в контексте идеи вечного возвращения. Дискуссионное поле «после постпозитивизма» задается через возобновляющиеся вопрошание исследований науки по поводу «что?», «как?», «кто?» и «ради чего?». Это вопрошание есть поиск ориентации в историческом пространстве и времени, определяющей «после чего?» или «назад к кому?» разворачивается мышление о науке. Такое рефлексивное обращение к истокам приводит к идеям философии науки первой половины XX в. Именно тогда формируются основные различия внутри исследований науки: между социологическим и методологическим подходами, между философией и дисциплинами, изучающими науку, между целями формирования мировоззрения и управления наукой. Философия науки «после постпозитивизма» выражается в интерпретативных конфликтах о предмете и методе исследований науки, в разделении труда между дисциплинами и подходами, утрачивающими возможность конструктивного взаимодействия и доходящими до «научных войн». В заключении утверждается, что сделать такую современность достойной возврата могут философия как «жесткое ядро» исследований науки, историческое обращение к истокам научной деятельности и истолкование научной революции как возобновления традиции.

Ключевые слова: постпозитивизм, философская рефлексия, история науки, научные войны

THE CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF SCIENCE: AN ETERNAL RETURN

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head Research Fellow.

The article explores the contemporary philosophy of science in the context of the idea of eternal return. The problematization of the intellectual field “after postpositivism” runs through the renewed questions “what?”, “how?”, “who?” and “for what?” of scientific research. This questioning is a search for bearings in the historical space and time that determines “after what?” or “back

Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russian
Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com

Lada V. Shipovalova –
DSc in Philosophy, Professor.
Saint Petersburg State
University.
11 Universitetskaya Embank-
ment, Saint Petersburg
199034, Russian Federation;
e-mail: ladaship@gmail.com

to whom?" the thinking about science unfolds. Such a reflexive appeal to the origins leads to the ideas of the philosophy of science of the first half of the twentieth century. It is then that the main differences within the research of science were formed: between sociological and methodological approaches, between philosophy and disciplines that study science, between the goals of forming a worldview and managing science. The philosophy of science "after postpositivism" expresses itself in the controversial interpretation of the subject matter and method of the study of science, in the division of labor between disciplines and approaches that lose the possibility of constructive interaction and reach the point of "science wars". In conclusion, it is argued that philosophy as the "hard core" of scientific research, a historical appeal to the origins of scientific activity and the interpretation of the scientific revolution as a renewal of tradition can make such modernity valuable for return.

Keywords: postpositivism, philosophical reflection, history of science, science wars

К смыслу выражения «После постпозитивизма»

Символ философии, по убеждению Г.В.Ф. Гегеля, это сова Минервы, воплощающая мудрость воинственной богини. Ее особенность, по мнению того же автора, в том, что она вылетает в сумерки [Гегель, 1990, с. 56], т.е. философия подытоживает реальную историю, осмысливает уже состоявшееся прошлое, показывает интеллектуальную возможность эмпирической действительности, подводит ее под закон, под понятие. Теоретическое мышление вообще, полагает Гегель, всегда осуществляется *post factum*: разум не столько предписывает законы природе, как считал Кант, но извлекает их из наличной реальности после завершения очередного этапа ее развития.

Философия понимается Гегелем как квинтэссенция эпохи – по крайней мере, так эту мысль реконструирует К. Маркс [Маркс, 1955, с. 105]. Однако Гегель здесь все же неоднозначен, и формулировка Маркса тоже двусмысленна. В «Лекциях по истории философии» Гегель, с одной стороны, убеждает нас в единстве философии и эпохи. С другой стороны, он столь же уверенно заявляет, что философ всегда несовременен, критичен по отношению к современности и противопоставлен ей [Гегель, 1993]. Истолкуем Гегеля и мы: квинтэссенция, т.е. пятая, загадочная сущность – это не выражение, проявление исторической эпохи, а ее понятие, закон, подлинное содержание, недоступное наблюдению и выявляемое исключительно спекулятивным философским мышлением, включающим проблематизацию. Эпоха, будучи понята философом в своей сущности, лишь тогда и становится сама собой, обретает самосознание, когда ее содержание становится открытым возобновлению.

Итак, философия одновременно характеризуется историчностью и проблематизацией. В этом контексте философский дискурс обречен на особые рекурсивные формы вопрошания истории, использующие обороты типа «После чего-то» и «Назад к чему-то». Они призваны подчеркивать резкий перелом в общественном развитии, наступление новой исторической эпохи, смену типов рациональности. Так, тезис «После Аушвица» Т. Адорно в работе «Культурная критика и общество» (1951) означает невозможность поэзии (искусства, философии, рациональности, высокого дискурса вообще) после геноцида. Необходим пересмотр всей человеческой культуры, не сумевшей противостоять нацистскому варварству. Призыв «Назад к Канту!» Отто Либмана в книге «Кант и эпигоны» (1865) указывает на невозможность материалистической интерпретации И. Канта, допускающего существование вещи в себе вразрез к последовательному трансцендентализму. Сам Кант непоследователен в вопросе о вещи в себе и должен быть избавлен от метафизического материализма, от уступки обыденному сознанию. Либман призывает к пересмотру всей немецкой послекантовской философии, не сумевшей понять подлинные открытия Канта. Возвратное движение присутствует и в тезисе Ж.Ф. Лиотара, называющего постмодерн началом современности, возобновляемым тогда, когда она исчерпала свой творческий ресурс движения к непредставимому, непознанному. В терминах Лиотара постмодерн трактуется как «парадокс предшествующего будущего» [Лиотар, 1993, с. 322].

Вообще формирование современной философии, начиная со второй половины XIX в., привело к многочисленным учениям, сопровождавшимся приставкой «пост». Рефлексивное отношение к текущему моменту, отстраняющее осмысление достигнутых результатов, обращение к истокам сохраняющихся проблем и открытость к возможности их новых решений задает содержание таких учений. Это свидетельство поиска оригинальных философских идей на фоне острой интеллектуальной конкуренции с помощью рефлексивной реитерации, «вечного возвращения» (Ф. Ницше), предписывающего особую ответственность за каждое последующее действие в стремлении сделать его достойным возврата. Отныне в силу ускорения культурной динамики вылеты совы Минервы стали настолько регулярными, что она уже не успевает возвращаться на плечо мудрой богини. Нам ничего не остается, как последовать за этой птицей, теперь – в осмыслении уроков постпозитивизма, в обсуждении его еще не нашедших своего решения проблем, в проясняющем обращении к его истокам.

Постпозитивизм – актуальные проблемы

В текущем году исполняется столетие со дня рождения двух крупнейших представителей направления, названного постпозитивизмом. Томас Кун (1922–1996) и Имре Лакатос (1922–1974) – инициаторы и участники наиболее значимых дискуссий о природе науки и научного знания второй половины XX в. Минуло более полвека с даты знаменитого международного коллоквиума по философии науки в Лондоне 1965 г. – настоящей дуэли между сторонниками Поппера и Куна. Лакатос вместе с Аланом Масгрейвом редактировал книгу «Критицизм и рост знания», содержащую материалы этого обсуждения и опубликованную в 1970 г. Ее содержание включает известные авторов, обсуждавших доклад Томаса Куна в русле его «Структуры научных революций»: К. Поппера, С. Тулмина, Дж. Уоткинса, М. Мастерман, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Л. Уильямса.

Лесли Перси Уильямс, блестящий историк науки из Корнельского Университета, обозначил в своем выступлении на коллоквиуме главную трудность при выборе между нормальной (Т. Кун) и революционной (К. Поппер) наукой. Это разрыв в ответе на вопрос, что она собой по существу представляет, а именно, опровержение или решение проблем [Williams, 1970, p. 49]. Главное противоречие между Куном и Поппером определялось их отношением к нормальной науке – приветственным в первом случае и осуждающим во втором, а также было связано с их истолкованием научной революции как экстраординарного события, от которого удерживается научное сообщество, сохраняя верность традиции (Т. Кун), или как непрерывной рефлексивной практики ученых, обеспечивающей развитие науки (К. Поппер). Проблемы, проистекающие из центральной части спора Куна и Поппера в 1965 г., в решение которых включился и И. Лакатос посредством идеи методологии научно-исследовательских программ, по мнению Джона Уорралла, остаются нерешенными в современной философии науки и почти 40 лет спустя [Worrall, 2003, p. 66].

Эти проблемы воспроизводятся в различных формах. Во-первых, остается открытым ответ на вопрос о том, «что» представляет собой научная деятельность. В чем она состоит – в следовании парадигмам или революционности, в коммуникативных практиках на фоне несоизмеримых парадигм, в связи с политической и экономической властью, в стремлении к эффективности или к истине? Во-вторых, «как» исследований науки, или их метод, вновь демонстрирует амбивалентность. Так, Стивен Шейпин, в сборнике текстов, посвященном 50-летию публикации «Структуры научных революций», подчеркивает натуралистический характер куновского подхода, предполагающего описание, интерпретацию и объяснение, и отличает

его от подхода нормативного, направленного на обоснование, прославление, обвинение или защиту науки, свойственного Попперу, более ранним исследованиям М. Полани, Р. Мертона и некоторым представителям постпозитивизма [Shapin, 2015, p. 13]. Примечательно, что в своем тексте Шейпин подчеркивает зависимость стратегии куновского исследования, имплицитно воспроизводящей интенции малоизвестной в то время работы Людвиг Флека, от социально-политического статуса науки в США после Второй мировой войны. Одновременно стратегия эмпирических исследований, относящихся к лабораторной практике, коммуникации ученых с обществом и формированию внутринаучных зон обмена противостоит концептуальной работе по осмыслению научной деятельности в понятиях научной парадигмы, дисциплинарной матрицы, научной революции и т.п. [Касавин, 2016, с. 60–61].

В-третьих, существенный момент противоречия остается в дискуссиях о том, «кто» должен считаться ответственным субъектом знания о науке, какая дисциплина может компетентно ответить на вопрос о том, что она собой представляет. Так, Л. Уильямс отметил существование различных научных ответов на этот вопрос. «Один из них социологический: научное сообщество можно рассматривать как любое иное сообщество, подвергаемое социологическому анализу. Заметьте, что это «можно» сделать, но это еще не сделано» [Williams 1970, p. 49]. Тем самым он подчеркнул, что спор Поппера и Куна о науке вплотную подводит к социологии научного знания. И, следует сказать, что главные новые результаты в исследовании науки и техники, начиная с восьмидесятых годов XX в., были получены именно на этом пути. Однако социолог – не единственный субъект исследований науки, ниже мы еще вернемся к альтернативам.

Итак, вопросы «что», «как» и «кто есть кто» в исследованиях науки инициируют вечное возвращение современной философии науки.

Назад к истокам: позитивизм и эпигоны

Вопрос о том, что должно быть «после», есть хронический рефрен внутреннего философского дискурса, выражение его самореферентности, зависимости от собственной истории. Эта самодостаточность философии, выражающаяся в имманентном критическом отношении к себе, органически сочетается с ее внешней критической установкой, которая делает ее весьма неудобной для окружения. Такая критика, составляющая существенный момент «как» философствования о науке, выражается в воспроизводящейся работе над проектами альтернатив. Так, у истоков институционализации новоевропейской

науки лежал проект Новой Атлантиды Френсиса Бэкона, ставший прообразом организационного оформления в XVII в. научной власти, дополняющей, а порой и противостоящей власти политической. В XIX в. Уильям Хьюэлл, заложивший основания современной философии науки, со своими соратниками создал Британскую ассоциацию развития науки (1831), имеющую целью прогресс науки и общественное благо. Существенной задачей организаторов был пересмотр существующих отношений между наукой и властью, предложение модели, обеспечивающей науке большую степень автономии [Касавин, 2016, с. 44–45]. Огюст Конт, с идеями которого также связана современная философия науки, в работе «Дух позитивной философии» (1844) писал о «союзе пролетариев и философии», провозглашая необходимость нового философского образования, ведущего к созданию специфической «народной политики».

Обратимся к современным истокам проблем постпозитивистской традиции в первой половине XX в. Так, аналитическая философия Венского кружка возникла как левая критика консервативной идеологии и философского иррационализма. Пусть даже некоторые члены Венского кружка, например, Р. Карнап, считали, что философ может ограничиться развитием логических средств анализа языка науки. Однако другие, как О. Нейрат, видели в философии проект социалистического переустройства общества. Сопоставление Венского кружка и отечественной философии науки многое проясняет в содержании обоих направлений.

В частности, И. Боричевский и Б. Гессен занимали сходную позицию, разграничивая философию науки и науковедение, различным образом задающие определенность исследующего науку субъекта. Два главных вопроса – теоретико-идеологический и практический – определяли в то время повестку дня. Первый из них: как относиться к «буржуазной» науке, достигшей неклассического периода развития? Как примирить крупные достижения естествознания и тот социальный и культурный контекст, который противоречит просвещенческим идеям о кумулятивном прогрессе разума? Второй вопрос гласил: следует ли управлять наукой на пути социального прогресса и каковы механизмы такого управления?

Детализация этих вопросов заставляла размышлять о статусе дисциплины, изучающей науку. Следует ли ей быть философией науки, специальным науковедением или чем-то другим? Какая именно философия в состоянии опосредовать отношения науки и общества? Каковы идейные предпосылки понимания свободы науки или ее государственного регулирования?

Современная историко-научная литература говорит о том, что ситуации в науке и обществе начала XX в. в России, с одной стороны, и в Австрии и Германии, с другой, в ряде черт имели существенные сходства. В статусе научной философии и философии науки

в Венском кружке и советском марксизме, в частности, прослеживаются явные параллели на фоне известных различий австромарксизма и ленинизма. Историки обсуждают, насколько уникальна или типична ситуация Б. Гессена по сравнению с судьбой членов Венского кружка.

Напомним, что австрийская естественно-научная образовательная ассоциация Э. Маха была создана в 1928 г. в Вене с подзаголовком «Ассоциация для распространения знаний точных наук». Ей предстояло выполнять две взаимосвязанные функции. Она популяризировала общенаучные знания и новую философию науки не только в университетских, но и в широких общественных кругах, обращаясь к рабочим и интеллигенции для продвижения социалистического мировоззрения и образа жизни [Карнап, Ган, Нейрат, 2006, с. 74; Geiger, 1995, S. 83]. Распространяемые идеи представляли собой результаты дискуссий в академическом университетском сообществе, получившем название Венского кружка. И именно путем публичного звучания за пределами аудиторий в контексте наиболее влиятельных научных теорий XIX в. концепции Венского кружка обретали системность и институционализацию [Groß, 2015, p. 65].

Официальная предыстория Венского кружка гласит, что в 1924 г. в Вене философ М. Шлик, математик Х. Хан и социальный реформатор О. Нейрат создали философский кружок. Первые двое были профессорами в университете Вены, а третий – директором Венского социального и экономического музея. Венский кружок стал, по сути, внутринаучной сердцевинной интегральной зоны обмена, которая была предназначена для культурной революции. Его история обстоятельно изучена в мировой философской литературе [Giere, Richardson, 1996; Uebel, 1991]. Последние годы ознаменованы интересом к левому крылу Венского кружка как началу формирования «политической философии науки». Существует гипотеза, что именно политическая и общекультурная ангажированность части членов Венского кружка явилась основой для поисков нового языка, который должен был стать универсальным языком науки и культуры. Другая («нейтральная») часть Венского кружка ориентировалась на программу логицизма в математике и тем самым на логику как «койне науки» – универсальный язык. Авторы «Манифеста» Венского кружка представляли именно левое крыло, пусть даже они по-разному афишировали свои взгляды. Венский кружок был интеллектуальным движением, ориентированным на научный, культурный и социальный синтез революционного свойства. В этом смысле он концентрированно выразил «венский модерн», объединивший новую науку, новую философию, новые виды визуального искусства, социальную утопию и практическую политику. В «Манифесте» об этом сказано в общем виде, но Питер Галисон, в частности, подробно показывает связь Венского кружка и движения «Баухаус». «Через труды Карнапа,

Нейрата и других (членов Венского кружка. – И.К.), – пишет Галисон, – сквозной линией проходит выделение современной архитектуры как культурного движения, с которым они себя преимущественно идентифицируют; их интересы пересеклись, как скоро логические позитивисты были более уважаемыми посетителями в Баухаусе Дессау, чем члены какой-либо иной группы, внешней по отношению к искусству и архитектуре. В дальнейшем оба эти движения столкнулись с одинаковыми врагами: религиозными правыми, националистами, антропософистами, народниками и нацистами, и это еще больше объединило их» [Galison, 1990, p. 710].

Социальная и мировоззренческая направленность Венского кружка многообразно отразилась в связи между австромарксизмом¹ и конструктивистским модерном. Она также проявилась за пределами Австрии, например, в спорах по поводу философии истории (Г.В. Плеханов), универсальной науки А.А. Богданова и истории науки Б.М. Гессена. Венский кружок в качестве зоны обмена инициировал европейское интеллектуальное движение, распространившееся в Вене, Берлине, Мюнстере, Праге, Варшаве, Упсале и за океаном. Где-то оно было грубально оборвано, а где-то получило лишь ограниченное развитие в силу ряда политических обстоятельств (нацизм, антикоммунизм, маккартизм). Во многом его судьбу на свой лад воспроизвел и русский позитивизм В.В. Лесевича, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова [Гусев, 1995, с. 596]. В целом же по мере приближения к столетней годовщине образования Венского кружка его совокупное влияние на развитие философии, науки и культуры высвечивается ярче, а его современное звучание приобретает всё большую отчетливость.

Формирование науки о науке в России начала XX в. идет сходным путем. И. Боричевский в своей забытой, но недавно заново опубликованной статье [Боричевский, 2013] продвигает программу разделения предмета и метода философии науки и науковедения, где последнее призваны образовать специальные дисциплины (история и социология науки). Гессен так же разграничивает науковедческий и философский (марксистский) взгляд на науку, различая научное содержание ньютоновской механики и ее связь с вненаучными традициями, научное содержание физики XX в. и немарксистские взгляды ее творцов. Как известно, идеи Гессена, представленные на II международном Конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (1931 г.), были с интересом восприняты английскими учеными, исследующими науку (Дж. Бернал, Дж. Нидем и др.), и могут считаться одним из оснований возникшего позже направления исследований – социо-

¹ Карл Грюнберг, венский экономист, был учителем Хенрика Гроссмана, работу которого о Декарте Фройденталь и Маклафлин сопоставляют с работой Гессена.

логии научного знания (SSK) и экстернализма вообще². Так постепенно складывается различие между современными претендентами на основное слово о науке – философией и собственно научными исследованиями, включающими историю, социологию, психологию и т.п., а также между методологическим и социологическим подходами к науке. Конструктивность взаимодействия, проистекающая из соответствующего разделения труда, оказывается под вопросом и является сферой ответственности тех, кто сегодня создает философию науки «после постпозитивизма».

От разделения труда к научным войнам

Исторический урок возврата к изучению науки первой половины XX в. показывает, что позиции исследующих науку субъектов полидетерминированы. Они обусловлены методологическими установками и идеологическими контекстами, задающими «как» исследования, истолкованием того, «что» попадает в их поле внимания, а также их балансом. Вопрос «Ради чего ведутся исследования науки?» дополнительно определяет проблемное поле философствования о ней. Просветительские цели новоевропейских философов, социальные и мировоззренческие интенции представителей Венского кружка могут быть противопоставлены или дополнены целью управления наукой, ведущей производительной силой и идеологией XX в., обеспечивающей легитимацию господства (Г. Маркузе). Контрверза философствования о науке и науковедения возвращает нас к различию этих целей. В первом случае в научной политике, неизбежной в эпоху после научно-технической революции, должно учитываться содержание самой научной деятельности, исторически изменяющееся и зависящее от специфики исследовательских практик. Во втором – оно подчиняется задачам реализации политической власти.

Перерождение философии науки, ориентированной в первую очередь на цели управления, произошло в годы маккартизма и «холодной войны»: она стремительно утрачивала какое-либо мировоззренческое содержание. Одной из влиятельных программ этого перерождения выступила Энциклопедия единой науки, редактируемая Джеймсом Конантом и Рудольфом Карнапом. Первый из них, ученый и политик, руководствовался, с одной стороны, идеей гуманизации естественно-научного образования, а с другой – удержанием истории и философии науки в рамках аполитичного интерналистского

² Об этом пишет Бажанов В.А. в статье: Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 146–156.

дискурса. Для второго приоритетом являлась логизированная философия науки, опять-таки избегавшая мировоззренческих проблем, особенно в неблагоприятных социальных условиях. Контекстом для этой программы, определившей во многом идеи Т. Куна, служило особое положение науки в США в период после Второй мировой войны, период активного включения ее в решение военно-политических и экономических задач [Shapin, 2015].

Вторая программа была заявлена Карлом Поппером. Она существенно отличалась от первой тем, что у Поппера размышления о «революционной науке» сопровождались дискурсом об «открытом обществе». Однако Поппер не преувеличивал связь науки и общества. Ученые, по его мнению, могут быть настроены революционно и решительно опровергать устоявшиеся теории, поскольку все их «пробы и ошибки» происходят в «третьем мире». И потому «революционная наука» не дает пример для общества; единственным эффективным и безопасным способом социального изменения является тактика реформ, мелких актов индивидуального социального действия.

Отсюда возник «спор о позитивизме» в социологии, в котором противниками Поппера выступила Франкфуртская школа (Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Юрген Хабермас). Поппера обвиняли в переходе на позиции социального конформизма с его социальной инженерией малых шагов и игнорированием общества как целого, в котором нельзя изменить частности без тотальных трансформаций. В этом контексте важны доклады Поппера и Адорно о логике социальных наук, произнесенные на конференции Германского социологического общества в Тюбингене в 1961 г. Поппер настаивал на необходимости различать внутренний научный интерес к истине и отношение науки к вненаучным проблемам, таким как проблемы человеческого благополучия, национальной обороны или агрессивной националистической политики и др. [Porrer, 1977, p. 98]. Адорно, возвращаясь к тезису Поппера о том, что научная и философская критика должна быть обращена на «господствующую догму», обвинял его в ограничении самокритикой, настаивал на практическом и материальном характере критики, обращающей ученых и философов к переустройству общества. Недостаточная определенность программы Поппера относительно статуса «третьего мира» оставляла разделенными социальные исследования науки, подчеркивающие непосредственную связь науки, технологий и общественных интересов, и штудии научных реалистов, акцентирующих значение вопросов методологии. Дискуссии Поппера с представителями Франкфуртской школы выявляли неполноту его критической установки.

Современная аналитическая философия науки, наследница первой программы – правящий мейнстрим во всем мире, занявший большую часть кафедр философии в университетах, редколлегии рейтинговых журналов, советы научных фондов и аналитические центры.

В ее основе лежит философия реализма и социальный консенсус, противопоставление философской рефлексии и социального активизма, познания и ценностей. И пусть ее критика Полом Фейерабендом и Ричардом Рорти дала свои плоды, аналитическая философия науки сохраняет во многом черты классического философского дискурса. Линию критического рационализма и Фейерабенда продолжила социология научного знания, философия постмодернизма и в последнее время – STS. Примером воинствующей позиции аналитической философии науки по отношению к оппонентам стало развязывание «научных войн» [Sokal, 1996; Сокал, 2002]. Сокал поставил задачу сымитировать и довести до абсурда постмодернистский дискурс на тему философии и социологии науки и создать сатирическое чучело для критики постмодернизма и постгуманизма. При этом он исходил из известных антиреалистических (в смысле отказа от классической эпистемологии) высказываний творцов неклассической физики. Сокал добросовестно их цитировал и тем самым подтверждал, что в физике не все так просто, как хотелось бы. Одновременно он привел расширительные и порой абсурдные выводы из этих высказываний со стороны гуманитариев-постмодернистов. Здесь он проигнорировал то обстоятельство, что антиреализм представляет собой, по большей части, экстраполяцию собственно научной онтологии и эпистемологии на мир и человека вообще. Гуманитарии подчеркивали, что сегодня ничто не может быть скрыто от научного взгляда и именно он является фундаментом современного мировоззрения. Говорить о мире как он есть сам по себе, вне зависимости от современной науки и техники в мире, который радикально преобразован ими, – это вопиющий анахронизм. В этом смысле позитивизм и наивный реализм самого Сокала – не современное научное мировоззрение, а некритически воспринятое наследство четырехсотлетней давности. Невнимание к исторической трансформации науки, к ее активному включению в общественные отношения сделало абстрактными тезисы защитников науки как независимого представления реальности, свободного от общественно-политических коллизий. Однако такое абстрактное знание само оказалось зависимо от связи с определенной политической установкой. Так, о возможности соотнесения эпистемологических позиций реалистов и конструктивистов, с одной стороны, и политических позиций «правых» и «левых», с другой, в период «научных войн», пишет Дж.Р. Браун [Brown, 2001, pp. 1–28].

Усилия Сокала дали эффект в том смысле, что позволили достаточно полно выразить отрицание некоторыми учеными того, что обычно именуется релятивизмом и конструктивизмом. Однако по сути Сокал спровоцировал дискуссию лишь между крайне-правым и крайне-левым полюсами реалистической и антиреалистической философии науки. В результате «научных войн» стали видны самые очевидные слабости и тех, и других. Возможно, это поможет более

умеренным реалистам и антиреалистам избегать крайностей. Например, это ослабит привязанность к «всеобщей деконструкции», «постнеклассической рациональности» и «всесильной синергетике». Одновременно это может показать ограниченность наивного метафизического реализма, лежащего в основании современной аналитической философии.

Итоги

Современная философия науки, идущая на смену постпозитивизму, продолжает вести дискуссии о предмете, методах и проблематике исследований науки, о разделении труда между разными дисциплинами и подходами, утрачивающими возможность конструктивного взаимодействия. Она пытается сгладить негативные последствия «научных войн», перекинуть мосты между философией и историей науки. Какую надежду на установление связей между индифферентными, несогласными и даже воюющими сторонами дает наш пересмотр истории? Каким быть исследователю науки в эпоху «после постпозитивизма»: готовому к вечному возвращению или отказу от такой современности? Укажем на три условия ответов на эти вопросы.

Во-первых, «кто» бы ни входил в круг ответственных исследователей науки, «жесткое ядро» его должна составлять философия. Такое положение дел обусловлено способностью философии к рефлексивному связыванию различных, ограниченных позиций ученых-научковедов, способностью, по выражению Канта, к схватыванию предмета исследования до его разделения на «мое» и «твое», без акцента на исключительности собственного философского жеста. Философская рефлексия как критика жесткой демаркации «после постпозитивизма» требует учитывать науку не только как средство, но и как активного участника переустройства общества. Философская рефлексия как требование широкого мышления способна обосновать ограниченность управления наукой, осуществляемого без учета общественного целеполагания ее субъектов, мировоззренческого значения их интенций, исторической конкретности их практик. Во-вторых, из числа решений о том, «как» исследовать науку, не может быть исключено утверждаемое постпозитивизмом историческое обращение к прошлому. Однако история науки «после постпозитивизма» может быть не только способом верификации или фальсификации философских спекуляций. Она способна быть активным провокатором, препятствующим любой норме, защищающей науку от догм и поводов для «научной войны». История может разоблачать мифы, в том числе миф научной рациональности, свободной от общественных контроверз, и миф неизменности базовых понятий, раскрывающих

существо научной деятельности. В-третьих, неустранимым интеллектуальным орудием, определяющим «что» науки, становится понятие революции. Однако история учит, что революция только в одном из своих значений предполагает радикальный разрыв традиций. Второй, изначальный смысл концепта революции, – это возвращение уже бывшего. Современная история науки «после постпозитивизма» демонстрирует, что первой стадией научных революций следует считать обращение к забытым истокам, к соединению с утраченной традицией. Такой смысл научной революции добавляет к идее непрерывной революции Поппера значение научной традиции, значение сообщества, формируемого посредством исторической связи. Идея экстраординарных научных разрывов и несоизмеримости Куна дополняется возможностью связи парадигмальных образцов, не возникающих из ниоткуда. Все-таки хочется, чтобы старая дуэль Поппера и Куна получила шанс если не на мирное, то хотя бы поучительное завершение, даже если противникам это уже ни к чему.

Философская рефлексия, историческое обращение к истокам, научная революция как возобновление традиции раскрывают вечное возвращение современной философии науки, обсуждающей перспективы «после постпозитивизма».

Список литературы

- Боричевский, 2013 – *Боричевский И.А.* Науковедение как точная наука // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 11–17.
- Гегель, 1993 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 350 с. С. 63–350.
- Гегель, 1990 – *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Гусев, 1995 – *Гусев В.В.* От «живого опыта» к «организационной науке» // Русский позитивизм. Лесевич, Юшкевич, Богданов. СПб.: Наука, 1995. С. 287–353.
- Карнап, Ган, Нейрат, 2006 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал “Erkenntnis” (Познание). Избранное / Пер. А.Л. Никифорова; под ред. О.А. Назаровой. М.: Территория будущего: Идея-Пресс, 2006. С. 57–74.
- Касавин, 2016 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016.
- Лиотар, 1994 – *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // М.: Ad Marginem '93, 1994. С. 307–323.
- Маркс, 1955 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. 698 с.
- Сокал, 2002 – *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисл. С.П. Капицы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

References

- Borichevsky I.A. “Naukovedenie kak tochnaja nauka” [The Exact Science of Science Studies, original source], *Sociology of Science and Technology*, 2013, vol. 4, no. 3, pp. 11–17. (In Russian)
- Brown, 2001 – Brown, J.R. *Who Rules in Science?* Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2001.
- Carnap et al., 2006 – Carnap, R., Hahn, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie. Venskij kruzhok” [The Scientific Conception of the World. The Vienna Circle], in: *Erkenntnis, Selected Papers*, translated from German. Moscow: Territorija budushhego, 2006, pp. 57–74. (Trans. into Russian)
- Galison, 1990 – Galison, P. “Aufbau/Bauhaus: Logical Positivism and Architectural Modernism”, *Critical Inquiry*, 1990, vol. 4, pp. 709–752.
- Geier, 1995 – Geier, M. *Der Wiener Kreis*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1995.
- Giere, 1996 – Giere, R.N., Richardson, A.W. (eds) *Origins of Logical Empiricism* (Minnesota Studies in the Philosophy of Science, vol. 16). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Groß, 2015 – Groß, A. *Die Bildpädagogik Otto Neuraths. Methodische Prinzipien der Darstellung von Wissen. Veröffentlichungen des Instituts Wiener Kreis*. Heidelberg: Springer, 2015.
- Gusev, V.V. “Ot «zhivogo opyta» k «organizacionnoj nauke»” [From “Living Experience” to “Organizational Science”], in: *Russian positivism. Lesevich, Yushkevich, Bogdanov*. Saint-Petersburg: Nauka, 1995, pp. 287–353. (In Russian)
- Hegel, G.F.W. *Filosofija prava* [Elements of the Philosophy of Right]. Moscow, Mysl, 1990. (Trans. into Russian)
- Hegel, G.F.W. *Lekcii po istorii filosofii*. [Lectures on the History of Philosophy], translated from German, book 1. Saint-Petersburg: Nauka, 1993. (Trans. into Russian)
- Kasavin, I.T. *Social'naja filosofija nauki i kolektivnaja jepistemologija* [Social Philosophy of Science and the Collective Epistemology]. Moscow: Ves' Mir, 2016. (In Russian)
- Liotard, J.-F. “Otvét na vopros: chto takoe postmodern?” [Reponse a la question: Qu'est ce que le postmoderne?], translated from French. Moscow: Ad Marginem'93, 1994, pp. 307–323. (Trans. into Russian)
- Marks, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works], vol. 1. Moscow: Politizdat, 1955. (Trans. into Russian)
- Popper, 1977 – Popper, K.R. “The Logic of the Social Sciences”, in: *The Positivist Disputes in German Sociology*. London: Heinemann, 1977, pp. 87–104.
- Shapin, 2015 – Shapin, S. “Kuhn’s Structure: A Moment in Modern Naturalism”, in: *Structure of Scientific Revolutions – 50 Years On*. Springer, 2015, pp. 11–21.
- Sokal, 1996 – Sokal, A.D. “Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity”, *Social Text*, 1996, 46/47, pp. 217–252.
- Sokal, Bricmont, 2002 – Sokal, A., Bricmont, J. *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoj filosofii postmoderna* [Intellectual Impostures], translated from English. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2002. (Trans. into Russian)

Uebel, 1991 – Uebel, Th. (ed.) *Rediscovering the Forgotten Vienna Circle. Austrian Studies on Otto Neurath and the Vienna Circle* (Boston Studies in the Philosophy of Science, vol. 133). Dordrecht: Kluwer, 1991.

Williams, 1970 – Williams, L.P. “Normal Science, Scientific Revolutions and the History of Science”, in: Lakatos, I., Musgrave, A. (eds) *Criticism and the Growth of Knowledge*, vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, pp. 49–50.

Worrall, 2003 – Worrall, J. “Normal Science and Dogmatism, Paradigms and Progress: Kuhn ‘versus’ Popper and Lakatos”, in: Nickles, T. *Thomas Kuhn*. New York: Cambridge University Press, 2003, pp. 65–100.